

КАРТЕЗИАНСКИЙ АНАЛИЗ ПИФАГОРЕЙСКОГО СИНДРОМА В НАУКЕ

А.А. Шекоян

Аддыгейский государственный университет, Майкоп

Проблема, которую хотелось бы обсудить в настоящей статье, уже пустила глубокие корни еще в классической науке, но так и не изживается в современной. Название этой проблемы, как и ее постановку, я взял из статьи Р.А. Аронова "Пифагорейский синдром в науке и философии" [В.Ф. №1, 1995]. Суть ее сводится к отождествлению чисел, геометрических фигур, а в общем, понятий с материальными объектами. Очевидно, этот феномен в европейской науке берет свое начало с пифагорейской школы (отсюда и название проблемы), в которой, как известно, утверждалось, что вещи - суть числа. Проявляется этот феномен в том, что в самой онтологии научного знания заложена убежденность, что все явления материального мира протекают по жесткой логической схеме, полностью нам пока еще неизвестной, а сам процесс человеческого познания представляет из себя асимптотическое приближение к этому абсолютному знанию. Поэтому сейчас делаются настойчивые попытки построения единой рационально постигаемой картины мира. Сюда необходимо, прежде всего, отнести строящуюся сейчас теорию суперструн и создание на ее базе единой теории поля. Однако включение в такую картину мира феномена сознания оказывается весьма и весьма проблематичным ввиду того, что сознание способно изолироваться, в той или иной степени, от внешнего ряда явлений, накручиваясь само на себя. Сейчас уже понятно, что в квантовой механике появление вероятностных значений связано с нашим непониманием, в рамках классической онтологии ума, сознательных явлений.

В пределах такой картины остается непонятным положение наблюдателя. И дело здесь не только в том, что он остается как бы изолированным от мира, но принципиально непонятна его способность выносить объективные суждения верные по всему пространственно-временному континууму, ведь каждый из нас уникален как сам по себе, так и в восприятии мирового спектакля. Этот вопрос представляет собой не только научный, но и экзистенциальный интерес. Это вопрос о возможности взаимопонимания, общения, о способности выносить суждения и, в конечном итоге, о возможности преодоления внутреннего одиночества человека. Ключ к решению этих и других вопросов, вставших перед научной методологией 20-го века, можно найти в философии одного из основоположников методологии науки - Рене Декарта. Попробуем рассмотреть, разумеется вкратце, поставленные выше, а так же возникающие в связи с ними вопросы в контексте декартовской философии. Анализ пифагорейского синдрома в науке заставляет нас по иному взглянуть на акты научного познания. Говоря о них мы должны иметь в виду, что они суть свободные, самопричинные явления. Они таковы потому что причины их неизвестны, то есть они невыводимы из предшествующих знаний, ибо тогда непонятен был бы смысл работы ученого. Например, законы излучения абсолютно черного тела никак не следуют из классической теории излучения, квантовая механика не вытекает из ньютоновской, а квантовая электродинамика - из классической. Если бы это было не так, то есть акты познания находились бы в жесткой детерминированной связи друг с другом, то мы вынуждены были бы признать, что знание совершается в зависимости от принципов, которые могут быть сформулированы лишь позже, являясь как бы ступенькой к нему, а весь процесс познания укладывался бы в жестко заданную логическую схему, каждое звено которого есть шаг к абсолютному знанию. Однако, ученый не делает того, причины которого были бы известны божественному наблюдателю, ибо он есть человек и никогда не сможет стать в позицию такого наблюдателя, то есть я хочу сказать, что утверждение о том, что за сформулированными законами стоит реальное положение вещей и явлений мира - неверно. Такие утверждения - это утверждения *post facto*. Возможность существования абсолютного знания необходимым образом приводит нас к тому, что направление развития наших знаний заранее предрешено. Оставляя в стороне разговоры о том, что ученый при таком взгляде на развитие познания, перестает принадлежать самому себе, подчинившись диктату схемы, необходимо утверждать, что это в принципе неверно. Ибо в этом случае по сути предполагается существование некоего "третьего глаза" у человека ("глаз Декарта"), с помощью которого он бы сопоставлял сущность вещей и наше понимание их. Однако, никакого "третьего глаза" не существует, ибо в противном случае не существовало бы истории науки как таковой, потому что тогда было бы неясно почему, например, древние греки не знали законов Ньютона. Поэтому рискну утверждать, что процесс развития науки не может быть представлен как асимптотическое приближение к абсолютному знанию.

В пользу этого вывода говорят еще два момента, на которых мне еще хотелось бы остановиться, а именно, если бы знания укладывались на асимптотическую кривую, то, во-первых, знаний в смысле их истинности, существовать не могло, а, во-вторых, человек, реальный наблюдатель, оказался бы не у дел, выброшенным. Действительно, мы не можем не получать нулевых значений истинности для единицы абсо-

лотно знания на бесчисленное число познавательных актов, однако несомненной истиной является то, что я есть, я наблюдаю данные явления и каким-то образом, не столь важно каким именно, мыслю их (вспомним декартовское *cogito erga sum*). Поэтому реальное знание невозможно без осознания факта восприятия, без осознания самого знания (свойство когитальности сознания). Если вдуматься, то все здание физики рухнет в один момент, если мы не объясним каким образом явления реального мира трансформируются в наши восприятия, а это необходимо сделать, если только предполагается существование абсолютного знания. Обратимся непосредственно к Декарту. Мы обнаруживаем, что для него не существовало абсолютного знания (разумеется в смысле сказанного мною выше), а, следовательно, и этой проблемы, но была уверенность в том, что явления он видел так, а не иначе, ведь хребтом всей его философии является идея непрерывного творения мира. Короче говоря, Декарт понимал, что исследователь работает со своими восприятиями, а уж они то достоверны. Это великий принцип опытной науки: исследованию подвергается только то, что дано нам в восприятиях. Независимость реального знания от объективного положения вещей Декарт не раз подчеркивал, иначе совершенно ничего нельзя было бы сформулировать.

Думаю, что сказанного достаточно, чтобы сделать вывод, что история познания была бы непонятна без "постулата о независимости актов познания от их последующей ложности и от знания всего в каждый данный момент, то есть об их "локальном совершенстве" (М. Мамардашвили).

Получается, что факт существования законов неотделим от факта их понимания, то есть они существуют и понимаются одновременно, без понимания нет существования. Возникает вопрос: существует ли это знание независимо от того понимает ли его кто-нибудь? Повторюсь, чтобы зафиксировать и выделить весьма важный момент, а именно, без осознания знания нет самого знания, без осознания мышления нет самого мышления. Вспомним, что именно так понимал Декарт мышление: мыслить и осознать, понимать, что мыслишь есть тавтология, или, по выражению М. Мамардашвили, плодотворная тавтология. То есть получается, что мысль - субстанция понятная сама через себя и для своего обоснования не нуждается в чем-то внешнем по отношению к себе самой. Короче говоря, мысль - бесосновна. Таким образом, мы с необходимостью приходим к реальности существования поля мысли, само себя понимающее и в этом смысле актуальное, находящееся в вертикальном срезе к хаотическому потоку вербальной реальности и поэтому интеллибельное, бесконечное, неделимое на части, то есть "Одно" себя повторяющее или континуальное. Существованием такого поля объясняется наша возможность выносить суждения, возможность понимать и быть понятым. Ведь кажется невероятным то, каким образом мы, ныне живущие, читая, скажем Декарта, жившего в 17 веке, в совершенно другой реальности, способны его понимать!? Дело как раз в этом самом мыслительном поле, соприкоснуться с которым можно лишь усилием воли, ибо оно естественно, детерминировано не следует из хаоса вербальной реальности. Мыслящий человек подобно барону Мюнхгаузену, вытаскивающему себя за волосы из болота, вырывает себя из рутины, суеты обыденной жизни. Это и есть феномен свободы. А раз так, то очевидно, что это поле вне пространства и времени, и поэтому независимо от того есть ли я как эмпирическое существо, понимаю ли я, оно есть реально и понимание существует в самом поле и в этом смысле оно само есть понимание и передача.

Знание, раз оно лежит поверх мира материальных явлений, очевидно не аддитивно, ибо аддитивность - это свойство приписываемое материальным, а не идеальным объектам. Действительно, скажем, понятие энтропии одно и его число не увеличивается от того, что кто-то еще понял его смысл. Поэтому понимание не может быть частичным, возможно одно из двух: либо понимаю, либо не понимаю и поэтому же оно (понимание) не лежит в ряду значений и смыслов и каждый акт понимания не складывается в некую копилку памяти, но само вспоминание есть понимание.

Мы имеем, таким образом, онтологическую абстракцию порядка, которую можно обозреть лишь поняв и, в этом смысле, испытав (существование тождественно пониманию) и поэтому память есть ни что иное как каждый раз заново и заново возрождающееся понимание, или иначе, испытание.

Мысль и материя - принципиально несовместимые субстанции, однако в человеке (под этим словом я понимаю мыслящее существо, а не двуногий биосубстрат) необъяснимым образом сошлись. Мысль - субстанция не характеризуемая протяжением, в противоположность материи, следовательно, связь между ними может осуществляться лишь через точку, которая обладает бесконечной вместимостью, бесконечной плотностью мысли. Это точка, в которую попадает лишь когитальное сознание, это точка невероятного напряжения всех внутренних сил человека. Только попадая в нее, человек может высказывать суждения, которые реально содержат в себе мысль. Назовем ее точкой сингулярности. Она находится в "подвешенном состоянии" над конкретной точкой вербальной реальности. Действительно, пониманию предшествует работа по сбору и обработке опытных фактов и лишь затем совершается скачок в точку сингулярности, которая, как явствует из вышесказанного, причинно не следует из последних. Таким образом, в событии понимания неизбежно присутствует "исторический элемент". Мы получили декартовский закон необратимости события мысли.

Думается, что из всего сказанного выше становится ясно, что познание по Декарту есть, в сущности, самопознание и поэтому проблема пифагорейского синдрома в науке, которая возникает, на мой взгляд, из-за недостаточного осмысления того, что есть познание, естественным образом снимается.

Описав свойства события знания, мы, однако, не ответили на вопрос: а почему, собственно говоря, возможно это событие, если оно суть свободное явление, то есть оно не является непрерывным продолжением явлений материального мира, ни предшествующих знаний, ни, даже самой той теории, вкладом в которую оно является? А ситуация-то в принципе в высшей степени парадоксальная: с одной стороны, знание, свершившись, вписывается в теорию, задающую некую упорядоченность, но в то же время оно принципиально непредсказуемо. Поэтому здесь, кстати, уместно заметить, что включение сознания в научную картину мира принципиально невозможно. Все попытки построения относительно него теории заведомо обречены на неудачу, оно неизбежно будет выбрасываться из ряда рационально постигаемых явлений. Сформулирую еще раз коротко вопрос: почему возможно событие “Знание”?

Положим, раз это событие непредсказуемо, что оно возникает как случай. Трудно с этим согласиться, трудно поверить в то, что знание, жестко задающее упорядоченность, само возникает как случай. Да и, если бы это было так, то каким образом мы бы выделяли его из бесчисленной череды других хаотических событий? Я хочу сказать, что мысль тогда не была бы узнаваема. Что вынуждает нас признавать мысль как мысль, тогда было бы неясно. Выход из этой ситуации видится в том, чтобы предположить существование фундаментальной топологии законов мира, стоящей за познавательным процессом и на базе которой и производится заключение данных опыта в устойчивые формы.

Cartesius analysis of pythagorean syndrome in science

A.A. Shekoyan

From Rene Descartes position the problem of identification of material objects and numbers are discussed.